

ИРИНА Н. АНТАНАСИЕВИЧ¹
УНИВЕРЗИТЕТ У БЕОГРАДУ, ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ
КАТЕДРА ЗА РУСКИ ЈЕЗИК И КЊИЖЕВНОСТ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ НА БАЛКАНАХ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ КУЛЬТУР

РУСКА ЕМИГРАЦИЈА НА БАЛКАНУ: ПРОБЛЕМ РАЗУМЕВАЊА И
КУЛТУРНЕ ИНТЕРАКЦИЈЕ

САЖЕТАК. Рад се бави проблемом разумевања и културне интеракције коју разматра кроз анализу културе понашања, узимајући за пример руски емигрантски сатирични часопис „Бух!“.

Кључне речи: културна интеракција, сатира, хумор, емиграција.

¹ antiira@mail.ru

Рад је примљен 16. априла 2014, а прихваћен за објављивање на састанку Редакције Зборника одржаном 22. септембра 2014.

Журнал «Бух!» (январь 1930 – январь 1936. Представительства во Франции, Бельгии, Латвии, Греции. С 1933 года – параллельное издание в Париже) выпускали Борис Ганусовский, Николай Февр и Георгий Герасимов (Савулькин) – люди молодые, полные энтузиазма. Фельетоны в журнале «Бух!», описывающие эмигранта-обывателя (серия о студенте Пете Абрикосове или о эмигранте Кнопикове, или Примиренцеве) требуют анализа, поскольку дают возможность увидеть жизнь эмигранта изнутри, из самого быта, в структуре повседневности, что может указать на корни появления тех или иных тенденций в жизни русской эмиграции.

Попытка рассмотреть текст сатирического журнала как единый текст, объединенный системой специфических для эмиграции вообще и белградской эмиграции в частности, культурных кодов, приближает нас к пониманию того текста повседневности, который не только сложился в среде русской эмиграции первой волны, но и стал подвергаться высокой степени мифологизации, создавая свои оппозиционные пары. Прежде всего это деление на «своих» и «чужих», которое не было однозначным и делилось прежде всего на категории:

- Эмигранты – местное население: «свои мы – чужие они»,
- Социальное расслоение в эмиграции: «свои – свои чужие»,
- Идеологическое расслоение: «свои – свои чужие»,
- Поколенческое расслоение: «свои мы – свои чужие».

Итак, рассмотрим все эти категории.

Эмигранты – местное население: «свои мы – чужие они». Как известно, при столкновении с чужой культурой у человека неизбежно возникает так называемый когнитивный диссонанс (Фестингер, 1999). Чтобы диссонанс устранить, человек изменяет свое поведение, т. е. стремится соответствовать своему окружению. Если это не удастся, по каким-либо причинам, то возникает так называемый культурный шок² – чувство физического и эмоционального дискомфорта.

Нельзя сказать, чтобы русская эмиграция в Югославии – стране дружески настроенной и славянской была лишена тех трудностей, возникающих между местным населением и эмиграцией. Например, в 1932 году в газете «Jugoslovenska politika» появился «ряд материалов публициста Д. Павичевича, в которых он, наме-

² Термин был создан в 1951 году К. Дюбуа, а впервые применен к кросскультурным проблемам антропологом К. Обергом в 1960 г.

ренно сгущая краски, пытался резко противопоставить роскошь русских – прозябанию югославам. Об этом свидетельствовали такие заголовки статей, как «Русские наслаждаются – наши голодают», «"Русские нас давят", "Русские взбесились"». (Косик, 2007) А позже, в 1936 году, сербское государственное радио запустило цикл передач под названием «Сережа» – которые являлись язвительными зарисовками о русских в Югославии. В феврале 1937 года ряд сербских деятелей посетили директора «Радио А. Д.» генерала Калафатовича и заявили следующее:

«... Мы, сербы, в своем же доме позволяем себе оскорблять русских, — тех русских, которые в европейскую войну защищали Белград и погибли на Салоникском фронте... Но не говоря уже о мертвых, просто недостойно для сербов оскорблять тех братьев-русских, которые теперь в беде, потеряв свою родину, мучаются и страдают по всему свету... Есть две нации без отечества: это — русские и евреи. Однако, почему-то нападают только на русских». (Маевский, 1966)

Хотя ныне, анализируя передачи радио, оставшиеся в виде печатных буклетов (издательство Т. Костич из Белграда, 1937 год) нужно сказать, что передачи скорее были описывали различия культурологического характера, поскольку сербам были чужды и обычаи масленичные, и традиции русские, и ресторанная жизнь, а также их уязвляла гордость эмигрантов, которые, защищаясь от действительности, иногда слишком агрессивно вспоминали красоты прошлого, вздыхая, что оказались в такой сельской провинциальной Европе.

Но инциденты подобного рода были редкостью. Более того, «для русских эмигрантов были созданы особые отступления в рамках действующего тогда законодательства: с 1921 года в Королевстве действовал закон, по которому запрещалось предоставлять работу иностранцу, если по этой специальности имелись свои кандидаты» (Миленковић, 1997). Но уже в 1922 году министерский совет принял решение о том, что все русские беженцы уравниваются в правах по зарплате со своими югославянскими коллегами. И хоть опять в 1925 году был выработан новый свод инструкций, который в основном повторял старые в отношении работы для иностранцев, все эти законоположения никогда не были применены к русским. Беженцы из России всегда считались «своими»: не было разницы между жителями Королевства и русскими изгнанниками. (Миленковић, 1997)

Вообще, трения между русскими эмигрантами и местным населением – явление не первых годов эмиграции, а и характерны

для периода тридцатых годов, т. е. времени, после гибели поддерживающего русскую эмиграцию, короля Александра Первого Карагеоргиевича в Марселе. Вот в письме В. Н. Шtrandмана от 1 сентября 1936 года принцу-регенту Павлу говорилось:

«Министерство внутренних дел, за весьма редкими исключениями, отказывается принимать эмигрантов в югославское подданство, что лишает их права искать заработок даже на иностранных предприятиях, которым предлагается оказывать строгое предпочтение национальным рабочим... Уже сейчас имеются весьма тяжелые случаи, например, отказ принимать на работу русских только потому, что они русские... зачастую имеются случаи, когда люди доходят до полного отчаяния» (Переписка ... Сб. документов, 1998).

Как мы видим, явления подобного рода имеют социальную и политическую подоплеку; что же касается процесса бытовой межкультурной трансформации, т. е. процесса всегда довольно болезненного, связанного с интеграцией в чуждую культурную среду и выработкой новых маркеров идентичности, то у русских беженцев в Югославии был не таким острым: разница же культурологическая, конечно же существовала, и более того – была больше, чем казалось на первый взгляд, но она не создавала острого дискомфорта, позволяя русским создавать свои общины и жить в рамках привычного поля самоидентификации:

«В Белграде можно не только свободно обходиться русским языком, но и иметь полную возможность жить в атмосфере "русскости". Русские врачи всех специальностей, профессора Ф. В. Вербицкий, А. И. Игнатовский, М. Н. Лапинский, Н. В. Краинский и др. Нет государственного учреждения, в котором не служили бы на различных должностях русские. Даже в Министерстве иностранных дел много лет уже служат б. русские дипломаты: А. М. Петряев, А. К. Беляев, М. Н. Чекмарев, П. И. Извольский, П. П. Сергиев...» (Иллюстрированная Россия, 1932).

Или вот еще воспоминания Н. Рощина:

«Вот мы и тут. Но какой же это запад, когда город называется Београд — Белый Город, и главное здание на главной его площади, высокий и кораблеобразный дом с башенками и шпилями называется "Москва", и король – в прошлом русский школьник? И по вывескам русские буквы, но слагают они слова непривычные глазу, как из Киева во времена гетманщины, только без той кокетливо-самодовольной наглости. Освоились скоро. В самом деле, что за трудности, когда нож по-сербски называется — нож, вилка — вилюшка, человек — човек, женщина — жена? Стоит только настроить язык на школьный церковнославянский лад, и все пойдет, как по маслу. А сколько кругом русского! Хотя бы вот те же самые

вывески над темноватыми входами "кафан", где дремлет в высоких бочках густое, крепкое вино. Каждое торговое предприятие имеет свой покровительственно-именной девиз. Вот "код генерала Скобелева", вот "код белог Цара", вот "код веселог Руса", и сам я видел вывеску в маленьком городке "код Петра Степановича, киевского помещика". А там и пошло. Эшелон за эшелон — десять, двадцать, тридцать тысяч русских, прожженных огнем Гражданской войны. И вот уже свои газеты, комитеты, канцелярии и, конечно, бесконечное множество "Рюриков", "Варягов" и "Асторий" с русскими балалаечниками, с самоваром на стойке, с ленивыми варениками и сибирскими пельменями. И за бумажки, еще вчера ничего не стоившие, летевшие по ветру, устилавшие пароходную палубу, сегодня дают полновесные, полные динары, и после миллионов за взятую с боя котлету из собачьего мяса, за ржавую селедку, коробку спичек — витрины, ломившиеся от всяческого давно забытого добра, и мирный добрый басок: "Пожалуйте, братушкам скидка, а нет — и в долг поверим!"» (Роцин, 1932)

Такая атмосфера поддерживалась и решениями Югославского правительства, которое в 1928 году на основе соглашения Министерства иностранных дел Югославии и Министерства просвещения совместно с Комиссией по делам русских беженцев создает Русский культурный комитет (РКК), который обязан был сформировать те институты для жизнедеятельности русских эмигрантов

«без которых особенно русский интеллигентный человек считает себя вычеркнутым из культурной жизни — науки, литературы и искусства, в которых он занимает достойное... место». (Косик, 2007)

Конечно, на бытовом уровне были разные моменты, зависящие и от местности, где были расселены эмигранты и от конкретных субъективных жизненных историй, но в целом разница между местным населением и русскими не воспринимается как фактор болезненный и дискомфортный.

В частности, русский сатирический журнал «Бух!», на примере которого мы и рассматриваем бытовую жизнь рядового эмигранта не имеет ни одной статьи, где бы противопоставлял жизнь русского эмигранта жизни местного населения (что является частой темой для русских сатириков в других странах Европы). Более того, русские сатирики не только активно используют сербскую лексику, но и печатают на страницах русского сатирического журнала рассказы и фельетоны югославских авторов. Особый интерес представляет для нас серия рассказов писателя В. Брандима: *Серб о Русских* (в № 4) и *Како су Руси освојили Београд* –

Как русские оккупировали Белград (№ 21), где присутствие русских в Белграде описано как нашествие, но положительное и, несмотря на то, что речь идет о сатирическом рассказе, русские описываются хоть и иронично, но с любовью, а Югославия называется Королевством Сербов, Хорватов, Словенцев и Русских беженцев:

«Что нам дали русские? Русский балет, русский салат, русскую балалайку, русские портсигары из русской платины, русских аристократов, русские иконы и обычай целовать руку женщинам.

Что русские взяли от нас? Ракию, умение ругаться, гражданскую службу с кое-какой зарплатой, а те, кто женился на наших девушках – еще и приданое» (№ 4).

Описывая же обилие русских в Королевстве, Брандим конечно же утрирует, но в этом гротеске нет неприязни:

«...Когда-то я хотел уехать в Россию и пожить немного среди русских. Сейчас в этом нет никакой необходимости. Утром газету мне приносит русский. После него появляется молочник – русский. В магазине я масло и яйца покупаю у русских. Сигареты в киоске мне продает русский. В трамвае слушаю русскую речь. В канцелярии весь персонал подчиняется только нашей дактилографистке – русской. Ем русский салат на ужин в ресторане "Русская Лира", слушая русские балалайки и русские песни. Обслуживает меня официант русский. Пью русскую водку и напиваюсь как русский и домой меня возит шофер, опять же русский» (№ 4)

Другие же виды деления: социальное расслоение, идеологическое расслоение, поколенческое расслоение – это виды деления между категориями, которые воспринимаются как «свои – свои чужие»

В сатирической литературе восприятие своих, которые являются чужими выражено четче и грубее, чем в мемуарной литературе и именно это расслоение является наиболее острым, когда речь идет о русской эмиграции в Югославии. Недаром свое злое стихотворение «Хождение по мукам» с хлесткой обвинительной концовкой поэт Николай Яковлевич Агнивцев создал именно там:

*«Семь беженских суток, упорно,
Ходил я — болваном последним —
Туда, по тропиночке торной,
где, стиснувши зубы, покорно,
Россия стоит по передним!..
Тут, на зов, выходят «штучки» —
Ручки в брючки,*

Закорючки,
 Видом — вески,
 Жестом — резки,
 Тверды, горды как Ллойд Джорджи!
 (Только, эдак, вдвое тверже!)
 И любезно говорят:
 — «Осади назад!»
 После всех рекомендаций,
 Аттестаций, регистраций,
 Всевозможнейших расписок,
 Переписок и подписок,
 Раздается вещей глас:
 «Нельзя-с!
 «—Н-да-с! Имеются ресурсы
 Исключительно на курсы:
 Маникюра,
 Педикюра,
 Выжиганья,
 Вышиванья...»
 —«Извините, до свиданья!»
 —«Здрассте!» —«Здрассте!»
 Тут у нас по детской части!
 Мы старанья все приложим
 И, всем прочим в назиданье.
 На букварик выдать можем...
 —«Извините, до свиданья!»
 —«Здрассте!» — «Здрассте!»
 Тут у нас по земской части
 Выдаем на рестораны,
 Виноградники, кафаны,
 На развод осин и елок...
 —«Извините, я филолог!»
 Можем выдать, для почину,
 Вам на швейную машину...
 —«Что ж я буду делать с нею?»
 —Устраняя все невзгоды,
 Выдаем еще на роды...
 «К сожаленью, не умею!»

 Мои несчастные colleg'-и
 В международном этом беге —
 Мы убедились понемногу,

*Что нам в беде скорей помогут:
Зулусы, турки, самоеды,
Китайцы, негры, людоеды,
Бахчисарайская орда,
Но свой же русский — никогда!» (Антология, 2002).*

Скандалная репутация авторов «Бух!» в сочетании с задором и талантом не щадила ни громкие имена, ни предыдущие заслуги, но сатира эта дает одну очень жесткую картину действительности, освещающая многие события иначе, нежели их принято воспринимать.

Так, например, анализируя тексты, связанные со строительством Русского Дома в Белграде и началом его деятельности (речь идет о текстах периода конца 1931 и по 1934 включительно), которые печатались на страницах эмигрантского сатирического журнала «Бух!» мы получаем возможность увидеть некоторые моменты, которые так или иначе упускались: или при анализе документов Комиссий, занимающихся строительством и функционированием Дома или при анализе другой периодики, которая освещала процесс строительства, открытия и работы Дома.

Сатирическая направленность журнала «Бух!» позволяла особое внимание уделять социальным моментам, связанным со строительством, критиковать концепцию строительства и личность первого директора Русского дома Бориса Михайловича Орешкова.

Строительство Русского Дома, некоторые сопровождающие строительство моменты – все перерабатывается сатирически, подвергается критике.

Конечно, строительство РД представляло собой большой проект, грандиозность которого иногда влияла на уже существующие формы культурно-просветительской работы, лишая их финансирования, которое шло на строительство РД.

Молодых сатириков волнует то, что осуществление этого проекта закрывало множество других небольших, но важных для русской эмиграции моментов. Например, в № 24 есть карикатура, которую предваряет эпиграф:

«Ввиду больших расходов по Дому Культуры закрывается еще одно русское учебное заведение».

А сама карикатура представляет диалог двух белградских русских обывателей:

«– Вы слышали? Закрывается еще одно учебное заведение! Эдак мы скоро останемся совсем без культурных людей!

– А зачем нам культурные люди, когда у нас есть Дом Культуры?!»

Но больше всего нареканий у сатириков вызывала личность его первого директора Бориса Михайловича Орешкова.

Особенно активно возмущало редакторов то, что еще в периоде планирования Русского Дома, было предусмотрено строительство служебной квартиры:

*«Вот маститый брат Кокосов
Всех студентов лучший друг?...
...Живя в любви довольстве мире
Он обретет покой в квартире
И ему же Новый год
Целый домик принесет.»*

(поздравление из № 7-8 номера журнала).

Особенно это возмущало редакторов, еще и потому, что Орешков являлся также и Председателем фонда, отвечающего за распределение студенческих ссуд. И ходили слухи, что для строительства Русского дома часть средств, которые должны были идти на ссуды, перераспределялась так, что студенты чувствовали себя уязвленными.

Карикатура в № 4 под названием *В тисках экономики* показывает удрученного Орешкова, который находится в дилемме:

«– Не знаю, что и делать: то ли строить себе квартиру из 6 комнат и снять стипендии с 200 студентов или снять стипендии с 200 студентов и строить кв. из 6 комнат?»

Сатирики утверждали, что дому пристроен целый этаж для квартиры с зимним садом на пятом этаже именно по желанию Орешкова и поэтому, смеялись они, проект Русского дома оказался осуществим:

«...этому счастливому обстоятельству мы быть должны обязаны тем, что существует четыре этажа, в которых как-никак кое-что помещается. В противном случае этот дом имел бы только один этаж с квартирой Б. Фисташкина.» (из № 23).

Тема казенной квартиры особенно остра для русских белградцев, знающих, что такое квартирный кризис. Поэтому она доминирует

нирует в журнале, где весь Русский Дом иногда представлен как одна большая квартира Орешкова.

Конечно, как в любой сатире здесь активно используется гиперболизация. Но несомненно одно – строительство Русского Дома воспринимется издателями (и видимо читателями, поэтому тема является довольно актуальной и поднимается из номера в номер) как проблема социальная и связанная непосредственно с бедственным состоянием части эмиграции, особенно с студенчеством.

В фельетоне «*Русская революция в Белграде*» (№ 22) автором под псевдонимом Вилли Пенкин (скорее всего Герасимов), пародируется восстание на броненосце «Потемкин», вызванное тем, что матросов накормили несвежим мясом и утверждается, что белградская русская революция начнется:

«...глухими волнениями в окраинном студенческом общежитии на Сеняке по поводу принудительного питания в столовой Державной комиссии причем студенты с плакатами: Мир общежитию – война зимнему саду! Общедоступный театр – опиум для студента! Долой фальшивых зайцев!, двинулись к ДРК с плакатами и песней: Мы свой, мы новый дом построим....»

Что касается решения о принудительности питания в столовой Державной Комиссии, то нужно сказать, что и в этом обвиняли Б. Орешкова, который также состоял в Державной Комиссии и таким образом студенческие ссуды, которые «удерживались» им как Председателем Фонда студенческих ссуд, «заменялись» добровольным, но, по мнению студенчества, «принудительным» питанием в столовой Державной Комиссии, что давало право не выплачивать ссуды вообще. Поэтому из номера в номер повторяется тема голодного студента. Тема невыплаченных студенческих ссуд поднимается и в № 20 за 1934 год, где в большом (на протяжении нескольких номеров) фельетоне *Прогулка по Белграду* несколько раз упоминается Русский Дом (здесь же он именуется Дворцом Нерона, а зимний сад на крыше назван садами Семирамиды), как явление, огорчающее простых эмигрантов и являющееся лишь проектом для бюрократических фондов, которые с самого строительства имеют свою выгоду.

Печатает «Бух!» и такие математические задачи:

«В одном учреждении за 3 месяца на пособие инвалидам израсходовано 35 900 динар, а на содержание правления этого учреждения за тот же срок 65 000 дин. Инвалидов 200 человек, членов правления — 5. Спрашива-

ется: по сколько получили инвалиды и по сколько члены правления, какое это учреждение и как его адрес? »

Или:

«Некто построил театральный зал, 1 зимний сад и 1 свою квартиру. Спрашивается: в какое из указанных помещений будут положены паралитики из Панчевского госпиталя после закрытия его за прекращением отпуска средств на содержание?» (№ 14, Бух!)

В своих фельетонах сатирики остро и последовательно указывают на те явления жизни эмигрантов, которые редко упоминаются. Социальное расслоение эмиграции, вызванное аферами нечистых на руку соотечественников является, когда речь идет о Югославии, проблемой, более острой нежели проблема различия между эмигрантами и местным населением. Вот воспоминания полковника М. Ф. Скородумова:

«Когда была мною открыта афера в Союзе русских инвалидов, где инвалидные возглавители обворовали приютившее нас государство на 3 миллиона динар, никто из русских официальных возглавителей не хотел прекратить это безобразие и позор. А когда пришлось обратиться к сербам и просить их убрать от нас этих воров, то в этой борьбе мне и моему помощнику, полк. Неелову, пришлось выдержать 35 судебных процессов в ложных обвинениях, с лжесвидетелями... Наконец 9 генералов и полковников, председатели провинциальных инвалидных отделов, получавшие от инвалидных возглавителей вознаграждение по 300—500 динар, не побрезговали написать на нас тайный донос министру, что якобы мы агенты Г. П. У., работающие на разложение Союза инвалидов, с целью нас выслать из Белграда, дабы мы не могли раскрыть эту инвалидную аферу...» (Потом была публичная пощечина одному из генералов-авторов доноса и ответный удар палкой по голове. Затем оправдание генерала Русским судом чести. Сербский суд вынес иное решение, признав виновниками руководство Союза. Новый глава Союза, сербский генерал, так оценил деятельность своих предшественников: «Если бы вам дали Россию, то вы вторично бы ее погубили», добавив, что всех их «надо свести на Теразию (площадь в центре города), полить керосином и сжечь».) (Косик, 2007)

Как мы видим, сербов часть русской эмиграции воспринимает как людей более близких, нежели «свою, но чужую» часть русской эмиграции, которая наживалась на бедах рядового эмигранта.

Кроме деления социального существовало и деление идеологическое, которое позже стало и поколенческим делением, поскольку молодое поколение со смехом и недоумением воспринимало архаичную идеологию старшего поколения.

«Страшный рассказ», опубликованный № 6 журнала, где рассказывается о споре конно-гвардейца с кавалергардом, которые никак не могут определить цвет подкладки ментика Белорусского полка, а из-за голубой выпушки собираются вызвать друг друга на дуэль, заканчивается словами:

«И теперь спросите вы, что же тут страшного?.. страшное здесь в том, что это происходило не после смотра в Царском селе и не в тысяча девятьсот тринадцатом году... А в тысяча девятьсот тридцать пятом в Белграде и беседовавшие не были убежденные седиными ветераны, отводившие душу воспоминаниями о прошлом, а молодые люди, где самому старшему было едва более двадцати пяти лет... Вам не страшно?! Мне - да..»

Высмеиваются и устаревшие по мнению молодежи стереотипы, где русская культура подается только в ключе:

*«Балалайка три струны, водка, тройка и блины...
Не кичись, Европа-дура, есть у нас своя культура
Русский дом, блины с икрой,
Достоевский и Толстой!»*

И стремление любым способом сохранять традицию:

*«Чтоб спасти умы детей
От губительных затей
В школах надо бы изъять
Все слова без буквы ять»*

И тенденция приукрашивать прошлое:

*«Не страшась тюрьмы и штрафа
Превращусь отныне в графа
За границей каждый стал
Русский князь иль генерал» (из серии Новые частушки № 21).*

И совсем уже беспощадным приговором для старого поколения звучит стихотворение в № 9 «Москва в Белграде»:

*«Мы тверды. Мы боремся с красным Кремлем,
Спасаем Россию в Белграде...
Что там разрушают, мы здесь создаем
Величия русского ради.*

В Москве голодают. Там нечего есть,
 Там нет Эрмитажа и Яра.
 Как феникс из пепла рождаются здесь
 Былые московские чары.
 Здесь все атрибуты седой старины.
 Здесь в русском любом ресторане
 Есть русская водка, котлеты, блины,
 Безумные ночи, цыгане...
 В Москве умирают, гниют в Соловках,
 Там люди разуты, раздеты.
 А здесь эмигранты советам на страх
 Устроили танцы, банкеты.
 Мы русское знамя высоко несем
 И русское имя всем светом:
 Мы боремся с грозным всемирным врагом
 Икрой, балалайкой, балетом.
 Наш жребий велик. Решены победить,
 Чрез все униженья и беды!
 Мы будем гнилую Европу будить
 И пить и плясать до победы.
 Пока у кого-нибудь что-нибудь есть
 Для нашей широкой натуры,
 Мы будем хранить «достоянье и честь»
 «Домов» всероссийской «культуры»!

Причем стихотворение это не просто отдельная сатира, а отражение всеобщей тенденции разочарования молодежи поведением старшего поколения эмиграции, что вообще характерно для периода тридцатых годов (и породило множество молодежных союзов как «левого», так и «правого» толков).

Актуально и остро для того времени звучат и «Задачи для любителей математики», где появляются задачи следующего содержания:

«Академик П.Б. Струве состоял: народовольцем – X лет, социал-демократом – Y лет, освобождающим Z лет, на съезде с Азефом и Милюковым готовил "решительный натиск" Q дней. Спрашивается, почему он почетный галлиполиец и идеолог возрождения России?» (№ 14)

Тенденция украшать себя званиями и орденами, но не делать ничего конкретного, предаваясь мечтам, это и конфликт идеологический и конфликт поколений. В рубрике «Хроника» сатирики

регулярно, наряду с серьезными новостями, публиковали и такие вот например:

«На днях состоялось производство в чин генерал-лейтенанта, генерал-майора Корвин-Круковского (претендента на венгерский престол) с сохранением в занимаемой должности железнодорожного писца»

Или:

«В прошлом месяце торжественно отпраздновал 15-летие нахождения в генеральском чине полковник корпуса жандармов Иванов»

А первый номер журнала открылся блестящим фельетоном «Как мы на днях чуть-чуть не вернулись в Россию», где «военные» приготовления возвращения описываются в сатирическом ключе и показывают, что эмиграция в состоянии лишь произвести абсурдные действия:

«... – все белградские корнеты вынули из чемоданов и почистили красные штаны,

– редактор «Царского вестника» господин Рклицкий пробрался в помещение культурного одбора и стоя перед зеркалом заявил – «Россия – это я!»,

– профессор Даватц в сапогах со шпорами прошел по улице краля Милана от Лондона до Славии,

– в 4 часа дня два казака публично целовались посреди Теразии,

– в офицерском собрании произошло чудесное обновление портретов всех белых вождей

– одна белградская общественная организация на радостях перепилась вдребезги

– какая-то старушка купила в «Белом духане» тридцать штук пирожков с мясом, желая раздать их «ИМ», видимо борцам» (№ 1)

Безволие, бездействие русской эмиграции – это то, что делит часть эмиграции на своих и своих других, которые отчасти уже чужие и чуждые. Скандальная репутация авторов «Бух!» в сочетании с задором и талантом не щадила ни громкие имена, ни предыдущие заслуги (в № 11 на главной странице вместо привычной карикатуры был опубликован приказ генерала фон Экка, который запрещал подпоручику Герасимову и юнкеру Ганусовскому и господину Февру посещать Русское Офицерское собрание в наказание за карикатуры на генерала Миллера, генерал-лейтенанта Барбовича, генерала от кавалерии Краснова и настоятеля о. Петра Беловидова).

Но сатира эта дает одну очень жесткую картину действительности, освещая многие события иначе, нежели их принято воспринимать.

Обилие многочисленных организаций, занимающихся лишь сплетнями, вечерами и «чашками чая», обилие вождей и председателей никому не нужных организаций – постоянная тема журнала. В № 12 опубликован был великолепный рассказ Н. Февра «Рядовой эмигрант Примиренцев», где Белград описывается так:

«Сто сорок восемь объединений, из которых три собирающих деньги, пять конспиративных и одно деловое придают русскому Белграду вид крупного центра. Если к этому прибавить еще шесть комиссионных магазинов, издательскую комиссию и патриотический клуб «Пей до дна!», то приходится удивляться как еще рядовая эмиграция находит время дышать, служить молебны, есть вареники с вишнями и слушать лекции господина Струве...»

Но в том-то и дело, что в Белграде рядовой эмиграции нет. Здесь все председатели, почетные члены, генеральные секретари, казначеи, директоры и главное – вожди, вожди, вожди...

Все ходят с унылыми лицами, вызывают друг друга на дуэль и собирают членские взносы.

Подойдешь, бывало, к скучающему человеку, торгующему слабительными пилюлями "Мементо мори", а он оказывается председатель общества "Спящий мужичок" и идеолог движения в Россию через Дарьяльское ущелье». Приехавший случайно по сюжету рассказа в Белград, рядовой эмигрант Примиренцев сразу же попал в окружение: "К четырем часам дня Петр Петрович стал почетным членом 17 организаций в том числе "Общества благополучных родительниц", детского кружка "Березовые ясли" и акционерного общества "Ай да тройка!"

– Отныне вы наш почетный член! – объявила председательница "Союза Национальных женщин"

– Но простите, я же не женщина, – покраснел Петр Петрович.

– Ничего, вы такой милый.. – кокетливо сказала председательница»

Фельетоны в журнале «Бух!» требуют анализа, поскольку дают возможность увидеть жизнь эмигранта в структуре повседневности, что может указать на корни появления тех или иных тенденций в жизни русской эмиграции (о значении журнала «Бух!», когда речь идет, например, о позиции оборончества см. в: Косик, 1992), понять природу деления на «своих и своих чужих» и рассмотреть культуру русской эмиграции «первой волны» как совокупность текстов, где сатира не только дает возможность получить информацию о расположении общества по отношению к некоторым моментам, но и помогает вывести некоторую пара-

дигму, которая бы описала как настроение круга русской эмигрантской молодежи в этот период. Сатирическая публицистика помогает также, понять более конкретно те культурные конфликты, которые возникали внутри самой эмиграции и в соприкосновении ее с югославской действительностью, которые нам позволяют восстановить картину мира диаспоры.

-
- ЛИТЕРАТУРА Антология поэзии русского Белграда. (2002). Белград.
- Иллюстрированная Россия, 1932(15).
- Косик, В.И. (1992). Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944. Славяноведение, 4, 20-32.
- Косик, В.И. (2007). Что мне до вас, мостовые Белграда?: Очерки о русской эмиграции в Белграде (1920-1950-е годы). Москва: Ч. 1 - Институт славяноведения РАН.
- Маевский, В. (1966). Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. (р. 70-72). Нью-Йорк.
- Миленковић, Т. (1997). Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд.
- Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сб. документов. (1998). (р. 410). Москва. В 2-х кн. Кн. 1. 1934–1937.
- Рощин, Н. (1932). Русские в Югославии. По чужим краям. (р. 9). Париж: Иллюстрированная Россия.
- Фестингер, Л. (1999). Теория когнитивного диссонанса/ A theory of cognitive dissonance. Санкт-Петербург.

IRINA N. ANTANASIJEVIĆ
UNIVERSITY OF BELGRADE
FACULTY OF PHILOLOGY

SUMMARY RUSSIAN EMIGRATION IN THE BALKANS: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING
AND CULTURAL INTERACTION

The problem of understanding and cultural interaction on the example of the Russian emigration, which happened after the revolution in Yugoslavia will be considered in the analysis of behavioral models and analysis of everyday culture, in forms that are fixed on the pages of Russian satirical magazine.

KEY WORDS: cultural interaction, satire, humour, emigration.